

Сбеги. Выживи. Влюбись. Не доверяй.

Рена Руд

Рена Руд

Отчаянный побег

«Литнет»

2026

Руд Р.

Отчаянный побег / Р. Руд — «Литнет», 2026

Саша бежит, чтобы не стать невестой незнакомца. Но побег оборачивается катастрофой: сразу после её исчезновения происходит трагедия, и подозрения падают на неё. Сменив внешность, она скрывается и отчаянно ищет доказательства своей невиновности. Неожиданно на её пути появляется Максим — следователь, который должен её поймать. Но он предлагает помощь вместо ареста. Между ними вспыхивает искра, но в мире, где доверие может стоить жизни, каждый шаг даётся с трудом. Он обязан поймать её. Но готов защитить. Она обязана бежать. Но хочет поверить. А что, если правда сложнее, чем кажется? И сможет ли Саша когда-нибудь перестать вздрагивать от каждого шороха — и обрести свободу? Поддержите книгу комментарием и ★#. Не забудьте добавить эту книгу в свою библиотеку и подписаться на автора, чтобы не пропустить выход глав. !Внимание, читатели! Напоминаю, что планируется вторая часть. Она будет бесплатной в момент выхода, а после своего завершения перейдёт в платный формат.

© Руд Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1.

Дисклеймер.

Мнения и действия персонажей не отражают мнения автора и не должны восприниматься как руководство к действию. Все персонажи, события и места, описанные в этой книге, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, случайно и не преследует никакой цели. Автор не несёт ответственности за любые совпадения или интерпретации.

Солнце пробилось сквозь неплотно задёрнутые шторы — ветер дёрнул ткань, и жёлтый зайчик прыгнул мне на лицо, прямо на переносицу. Я зажмурилась, пытаюсь зарыться носом в подушку, но он не отставал. Со сна казалось, что кто-то тычет в меня горячим пальцем.

Тихий стон сорвался с губ, и я поспешно натянула одеяло на голову, отчаянно пытаюсь удержать ускользающие образы сновидения. Там, в мире грёз, я была счастлива, там сбывались все мои мечты. А здесь... здесь приходилось заниматься тем, что вовсе не вызывало радости.

«Ну пожалуйста, дайте мне ещё пять минут в этом сне!» — мелькнула отчаянная мысль, но тут же растворилась в пронзительном звоне будильника.

— Да чтоб тебя! — вырвалось у меня. Я рывком выбралась из-под одеяла и с досадой нажала на кнопку, заставляя назойливый звук умолкнуть.

Повалиться в тёплой кровати, утонуть в мягкости подушек — об этом оставалось только мечтать. День, как и все предыдущие, был расписан по минутам. Пробегка по утрам, завтрак, учёба, тренировки по рукопашному бою и стрельбе (обычно ПМ, иногда АК-74), вечером — формальный ужин с отцом и отбой.

Воскресенье приносило лишь небольшое разнообразие: совместный просмотр документалок или детективов. Отец терпеть не мог мелодрамы, считая их вредным зрелищем, способствующим деградации. Убеждать его в обратном не имело смысла — любые возражения выливались в долгие споры, где его доводы, категоричные и не допускающие возражений, всегда одерживали верх.

Утро начиналось с привычных ощущений: прохладная ткань спортивного костюма касалась кожи, коса тяжёлым жгутом ложилась на плечо, кепка мягко надавливала на лоб. Пальцы привычно завязывают шнурки в знакомый узел, а фитнес-браслет на запястье уже готов отслеживать ритм бега.

Я беру поясную сумочку, укладываю в неё телефон и плотно закрепляю на талии. Наушники в ушах наполняют мир любимыми треками, создавая звуковую завесу, за которой легче забыться.

Выбегая из комнаты, я на ходу бросаю отцу короткое «С добрым утром!», даже не оборачиваясь в его сторону. Музыка заглушает всё вокруг — и я выскакиваю на крыльцо, так и не услышав его ответного приветствия.

После полутора часов интенсивной тренировки тело наконец приходит в тонус. В крови разливается волна лёгкой эйфории.

Дом встречает меня привычной суетой, но я давно перестала её замечать. Постоянная охрана стала частью пейзажа — я пробегаю мимо мужчин в форме, не задерживаясь, и запираюсь в ванной.

Душ — как мимолётное очищение, завтрак — словно краткий миг покоя. Но за ними неизменно следует тень ненавистной учёбы, снова затягивающая меня в свой круговорот.

Как бы мне ни претила учёба в академии полиции, у меня есть определённые привилегии. По правилам, курсанты первого курса обязаны жить в общей казарме — но мне удалось

уговорить отца замолвить слово. Его влияние в этих стенах неоспоримо, и я избежала общего распорядка.

И я не одна такая «избранная», только вот обратная сторона медали тоже есть: нас, «элиту», тихо ненавидят. То подстроят какую-нибудь пакость, то просто сторонятся, будто мы заразные. Теоретически, я могу щёлкнуть пальцами — и любого обидчика выгонят. Но я не прибегаю к этому. Предпочитаю решать проблемы сама, пусть это и приносит боль.

Так сформировался круг «альф» — «элитных деток», куда меня вписали без спроса. Тех, кто поступил без связей, называли «бетами». Это деление режет слух, оно несправедливо и унижительно. Но такова реальность академии, и мало кто готов её менять.

Отец изначально был против любых исключений. Для него казарма — школа мужества, закалка духа. Для меня — ловушка, из которой нет выхода. Система с её рамками и ограничениями уже сжимала горло, лишала воздуха. А если добавить к этому круглосуточное пребывание в казарме — это будет не закалывание, а медленное удушение. После долгих споров отец всё же смирившись, и я наконец смогла хотя бы спать в своей кровати.

На этом уступки отца заканчивались — дальше высилась неприступная стена его принципов. Никаких прогулов, ежедневные тренировки обязательны, никаких тусовок с друзьями — и ровно в десять я должна быть дома.

Мой отец, Юрий Анатольевич Стрельцов, всегда казался мне воплощением несокрушимой воли. Высокий, сухой, подтянутый — он до сих пор держал спину идеально прямой, как в молодости, когда служил в армии. Его лицо с острыми, резкими чертами, казалось, никогда не знало улыбки, а серые глаза, колющие и внимательные, видели всё и всех насквозь. Серые нити в тёмных волосах только подчёркивали его властность и суровость. Даже дома он не снимал маску полковника — строгого, требовательного, не терпящего возражений. Я боялась его. И ненавидела за этот страх.

Из-за этих жёстких ограничений мои так называемые друзья общались со мной с явной неохотой, натянуто улыбаясь и стараясь побыстрее свернуть разговор. Но они всё равно держались поблизости: связь с дочерью полковника Стрельцова могла оказаться полезной. Тем более все знали — его карьера уверенно шла в гору. Любой, кто не лишён амбиций, постарается завести дружбу с нашей семьёй. От их фальшивой любезности меня подташнивало, но хотя бы создавалась видимость, что я не одинока.

— Сашка, привет! — Антон выскочил из-за спины так внезапно, что я вздрогнула.

Новая причёска шла моему парню — сегодня он выглядел ещё привлекательнее. Чёлка, уложенная набок, украшена броской белой прядью. Его вечные эксперименты с внешностью одновременно восхищали и настораживали: будто за каждым новым образом он скрывал своё настоящее лицо — то, что знала только я.

— Ты не говорил, что придёшь, — я изобразила удивление и быстро чмокнула его в щёку.

— Да я чё-то рано проснулся, дома скучно, а тут меня ждёт «малыш». Хоть развлекусь немного, — произнёс Антон с холодной усмешкой, и от этой усмешки у меня по спине пробежал неприятный холодок.

Я невольно поморщилась. «Малышом» он называл Андрея — курсанта из «Беты». Все в академии прекрасно понимали истинную причину его поведения: Антон не мог смириться, что Андрей превосходит его в учёбе. Привыкший быть первым во всём, он не выносил даже намёка на поражение и потому методично отравлял жизнь сопернику. И никто не решался его остановить.

— Антош, — я положила руку ему на плечо и посмотрела прямо в глаза, — может, пора остановиться? Андрей ходит подавленный, вздрагивает от резких звуков. Ты и сам видишь: он на грани.

Я знала, что мои слова вряд ли что-то изменят, но должна была их произнести.

— Та-а-ак, Сашка, хватит об этом, давай тему сменим, — Антон закинул руку мне на плечо, и мы двинулись вперёд по коридору. — Лучше скажи, когда уговоришь батю, чтобы он отпустил тебя на наш шабаш?

— Ну... я пыталась, но всё бестолку, — вздохнула я, вспоминая прошлую ссору с отцом. — Он категорически против.

— Тогда пошли! — Антон резко схватил меня за руку и потащил в противоположную от кабинета сторону.

— Антон, ты куда меня тащишь? — я растерялась и попыталась выдернуть руку, но его пальцы только сильнее сжали мою ладонь.

— Да не очкуй, Сань! Ща всё увидишь, малая, — он быстро чмокнул меня в висок и ускорил шаг.

Это дурацкое прозвище «малая» бесило меня до невозможности. Да, Антон старше — в этом году он выпускается из академии, а я только поступила. Но это ещё не повод звать меня «маленькой»! За полгода наших отношений он ни разу не прислушался к моей просьбе перестать так меня звать.

Глубокий вздох — и я ощутила, как пульс участился от осознания: я иду на поводу у Антона и покидаю академию в самый разгар занятий. Волнение смешалось с азартом. Мы бесшумно вышли через запасной выход, осторожно огибая места, где стояли камеры. Артур уверенно прокладывал маршрут — видно было, что он всё продумал заранее: ни одна запись не зафиксирует наш побег из учебного корпуса.

«Одумайся! Ты нарушаешь правила! Если отец узнает... а он обязательно узнает — нам крышка, Саша!» — отчаянно вопит внутренний голос, пытаюсь достучаться до остатков здравого смысла. Но я, будто под гипнозом, игнорирую все сигналы тревоги и послушно плетусь за Антоном подальше от академии.

Мы запрыгиваем в чужой спорткар. Антон резко вдавливая педаль газа — меня бросает вперёд, я едва успеваю выставить руки, чтобы не впечататься в лобовое стекло. Он хохочет, врубает музыку на полную, и машина рывком набирает скорость. Я вжимаюсь в кожаное сиденье, судорожно хватаюсь за дверную ручку и молюсь про себя, чтобы всё обошлось.

— Сашка, да расслабься уже! Ты же знаешь — я вожу аккуратно, не трясись! — кричит Антон сквозь грохочущие басы музыки.

Я лишь киваю, изображая спокойствие, но внутри всё дрожит. В самом начале наших отношений я честно говорила ему, что не выношу бешеной скорости, — но он, как обычно, пропустил мои слова мимо ушей, решив, что это просто капризы. Приходится просто терпеть и делать вид, что всё в порядке.

Дорога занимает всего пять минут.

Место мне незнакомо, но сразу видно: здесь тусуется вся молодёжь. Заброшенное полуразрушенное здание, разрисованное всевозможными граффити, создаёт настоящий вайб молодости и свободы.

— Антон, что это за место? И откуда новая машина? — спрашиваю я, выходя из автомобиля.

— Новая база наших, тачка моя — выиграл, — гордо отвечает он. Ждёт восхищения, но я просто киваю. Я только собираюсь уточнить, что он имел в виду под «выиграл», как Антон порывисто притягивает меня за талию, почти рывком, и впивается в мои губы. Его движения резкие, нетерпеливые, дыхание сбитое — возбуждение буквально витает в воздухе, чувствуется в каждом касании.

Глава 2.

Поцелуй получается хаотичным, почти агрессивным: он будто не контролирует себя, отдаваясь моменту целиком. Но внезапно чьи-то слова прерывают этот накал — мужской голос нарушает наше уединение.

— Антоха, ну наконец-то! Я вас уже заждался, — к нам подошёл Данил, однокурсник.

Я мельком окинула его взглядом: высокий, под два метра, с широкими плечами, которые едва обтягивала чёрная футболка. Короткие тёмные волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб и внимательные серые глаза.

Антон с явным недовольством отстранился от меня, и парни обменялись рукопожатием.

— Уговаривал Саню подтянуться к нашей тусовке. Все уже здесь? — бросил Антон, одновременно кладя руку мне на бедро, а затем чуть ниже — на ягодицу. Движение вышло нарочитым, почти вызывающим: он явно хотел показать Данилу, что я — «его».

Помню ту вечеринку, когда Рублёв начал ко мне приставать без всякого согласия. На его лице, квадратном и грубом, с тяжёлой челюстью и маленькими колючими глазками, застыла сальная улыбка, а руки уже тянулись к моей талии. От него разило перегаром и дешёвым одеколоном — я тогда чуть не задохнулась от отвращения. Это обернулось громким скандалом — слухи не утихали ещё целый месяц. Но правду знали только мы трое.

Данил тогда пришёл мне на помощь — вырвал из лап Рублёва, и в тот миг он казался мне настоящим героем. Я вознесла его в своих глазах на недостижимую высоту... и горько пожалела. Вскоре выяснилось, что он ничуть не лучше — такой же эгоист и подлец.

И всё же я не могу с ним расстаться. Что это — какое-то необъяснимое притяжение или просто привычка, въевшаяся в душу? Не знаю. А Данил... он затаил обиду. Мой отец тогда сильно осложнил жизнь его семье. Не знаю, чем всё закончилось, но с тех пор он держится в стороне. Лишь взгляд его время от времени находит меня — вот как сейчас.

— Да наши тут. Пойдёмте уже скорее, — махнул рукой Данил, приглашая нас следовать за ним.

— Не бойся, ты со мной, — тихо шепнул Антон мне на ухо, и мы направились вслед за парнем.

Я почувствовала глоток свободы. После инцидента с Рублёвым отец запретил мне ходить на тусовки, посадив почти под домашний арест. Но сейчас я здесь — и это вызывало одновременно радость и тревогу: вдруг он всё-таки узнает?

Мы входим внутрь здания, где уже гудят голоса и грохочет тяжёлая музыка. Почти все собравшиеся мне знакомы — это ребята из так называемого «альфа-круга»: хоть и учатся на разных курсах, они держатся сплочённо, старательно выстраивая сеть полезных связей — инвестиция в будущее сотрудничество.

Парней в зале куда больше, чем девушек, и каждый из них — прямо-таки воплощение полицейской вседозволенности.

— Ни чё себе! — взвизгнула Роза, однокурсница Антона, хлопнув в ладоши. — Александра Стрельцова, собственной персоной! Не часто тебя встретить в наших шабашах. Какими судьбами?

Я перевела взгляд на неё и невольно задержалась: высокая, худая, с остро очерченными скулами и длинными тёмными волосами, спадающими на плечи, как воронье крыло. Её глаза — почти чёрные, глубокие, с хитринкой — смотрели на меня с откровенной насмешкой. Губы, ярко накрашенные, растянулись в дежурной улыбке, но я чувствовала в ней холод. Она всегда выглядела так, будто только что вышла с подиума, но за этой красотой скрывалась змеиная натура.

Я открыла рот, чтобы ответить, но Антон вдруг вмешался, и в его тоне явственно прозвучала угроза:

— Советую тебе умерить сарказм — если дорожишь красным дипломом.

В воздухе повисло напряжение. Все присутствующие замерли, наблюдая за этой сценой. Я смотрела на Антона, пытаясь прочесть в его глазах причину такой резкости. «Между ними пробежала явно чёрная кошка», — мелькнуло у меня в голове.

Роза лишь раздражённо цокнула, развернулась к подругам и как ни в чём не бывало продолжала болтать.

Антон молча, но крепко сжал мою ладонь и потянул за собой куда-то в сторону.

— Если бы здесь не было определённых личностей, было бы куда лучше, — сквозь зубы пробормотал мой парень, явно не обращая ко мне.

Я промолчала, не став выяснять, что случилось: по его тону и напряжённой позе было ясно — ответа я всё равно не получу.

Мы приблизились к компании. Точнее, к компании Антона — я-то здесь всегда была скорее гостьей, чем своей. Парни и девушки оживлённо перебрасывались шутками, обсуждали какие-то дела, а мне оставалось только стоять рядом и делать вид, что я в теме, хотя мысли витали где-то далеко.

Казалось бы, здесь должна быть свобода — но в окружении этих людей она превращалась в обманчивую иллюзию.

Мне подали стакан пива, и я выпила его с облегчением, ощущая, как тревога отступает. Алкоголь, к которому я давно не прикасалась, быстро подействовал, поднимая настроение.

Антон, сидевший рядом, потягивал что-то явно покрепче. Отговаривать его я не стала. Он и раньше садился за руль нетрезвым — мои просьбы не помогали, он просто отмахивался. Так что и сейчас я молча наблюдала, стараясь не думать о худшем.

С парнями мне всегда было проще находить общий язык, чем с девушками. Вскоре мы уже оживлённо обсуждали оружие: кто сколько попаданий делает в тире, как разная отдача влияет на стрельбу. Постепенно я расслабилась, почувствовав долгожданную лёгкость и неприужденность.

Кто-то резко схватил меня за плечо. Я подняла глаза — передо мной стоял разъярённый Антон. Одним движением он поднял меня и потащил прочь.

— Антош, что происходит? Куда ты меня ведёшь? — попыталась я спросить, но язык плохо слушался. Ответа не последовало.

Мы быстро миновали толпу, огибая знакомых, и вскоре оказались на крыше. Уже темнело — небо окрасилось в фиолетовые тона. «Сколько времени прошло? Как я не заметила?» — пронеслось в голове, и сердце забилося чаще от нарастающего волнения.

Антон резко развернул меня к себе.

— Что ты себе позволяешь? — прошипел Антон, сжимая моё запястье так, что стало больно. Вторая рука вдруг сомкнулась на моём горле. Его глаза, налитые кровью, впились в мои, полные ужаса. — Глазки вздумала строить Макару? А может, у вас что-то есть?!

— Что ты несёшь? — прохрипела я. — Мы просто общались. Ты всё слышал!

— Да! И видел! — взревел он, усиливая хватку.

Я почувствовала, что задыхаюсь. В панике я нанесла резкий удар в пах. Хватка ослабла, я вдохнула полной грудью. Антон согнулся, шипя.

— Ты пьян! — отпрянула я, потирая саднящее горло. — Не смей меня трогать, приди в себя!

Я слишком хорошо знала, каким он становится под влиянием алкоголя — будто какой-то тёмный дух вселяется в него, искажая всё, что я когда-то ценила. Именно это состояние безжалостно сбросило его с выдуманного пьедестала в моих глазах, оставив вместо восхищения горькую, тихую ненависть.

Антон резко выпрямился, тряхнул головой и, проведя ладонями по лицу, вдруг посмотрел на меня так, будто только что осознал, что натворил. В его взгляде проступило сочувствие.

— Сань, я debil... Не рассчитал силу. Тебе больно? — его голос дрогнул, и он сделал неуверенный шаг ко мне.

Но я уже отпрянула — тело само отреагировало, будто запомнило опасность.

— Не подходи! — отрезала я как можно твёрже. — Сейчас говорить не о чем. Разберёмся завтра, когда отрезвеешь, Антон.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и поспешила прочь — прочь с крыши, прочь от него.

Антон не двинулся с места. Он остался там, глядя мне вслед.

Я добралась до дома — зареванная, опустошённая, — и даже не догадывалась, что худшее ещё впереди. Осторожно проскользнула вглубь дома — и тут же замерла, наткнувшись на суровое лицо отца.

— Где была? — произнёс он негромко. И от этого тихого голоса у меня внутри всё похолодело.

Я слотнула. Врать не имело смысла — он всё знал.

— Захотела побыть с друзьями, — я постаралась придать лицу безразличное выражение, будто прогул учёбы — сущий пустяк.

Отец побагровел, шумно вдохнул, на мгновение словно увеличившись в размерах.

— Ты знала о наказании, но всё равно нарушила правила?

— Да. — Я сняла босоножки, стараясь выглядеть невозмутимой.

— Как ты смеешь?! — рявкнул отец, с грохотом ударив ладонью по столу.

Я невольно вздрогнула, но удержала маску спокойствия.

— Я не одна прогуляла... — попыталась оправдаться, но он перебил на полуслове.

— Мне нет дела, кто ещё прогулял учёбу! Ты должна думать о себе! — Его глаза сверкнули яростью. А затем он сказал то, от чего у меня подкосились ноги: — Ты выходишь замуж!

Глава 3.

Звон в ушах звучит так громко, что почти заглушает голос отца. Перед глазами — пелена, будто я наблюдаю за всем со стороны. Он говорит о браке. Я качаю головой, машинально, бессмысленно. И только потом, словно издалека, приходит понимание: я в отчаянном, безвыходном положении.

— Нет! Не стану выходить замуж без любви! — я выкрикнула это, но собственный голос донёсся до меня будто издалека, приглушённо, словно из-под толстого слоя ваты.

— Александра, — отец произнёс моё имя твёрдо, без намёка на компромисс, — ты следуешь моему решению. Этот брак станет благом для семьи. Документы уже поданы. Ты официально — невеста.

Я замерла. В голове крутилось: «Абсурд». Но в его глазах читалась непреклонность. Я понимала: никакие мольбы и доводы не изменят его решения. И всё же покорно склонить голову, принять всё как данность — нет, я не могла. Во мне жила искра сопротивления, и она разгоралась всё ярче.

— Папа, прошу, не поступай так со мной! — я делаю шаг вперёд, но тут же замираю: ярость, искажившая его лицо, заставляет отступить. — Я не вещь, которую можно отдать или продать! Я не стану выходить замуж за незнакомца!

Отец даже не дрогнул. Его голос звучит ровно, почти бесстрастно:

— Твой брак будет фиктивным. Это необходимая сделка между семьями. Выйдя замуж за майора полиции, ты получишь обеспеченную жизнь и полную безопасность. Отбрось эмоции — это просто сделка.

Я молча смотрела на него, и мир вокруг будто потускнел. Каждое его слово било, как пощёчина. Я стояла, оглушённая, не в силах осознать, что родной отец может говорить со мной так — холодно, расчётливо, будто я не его дочь, а шахматная фигура на доске.

Статус. Власть. Деньги. Всё это для него важнее моих чувств, моего счастья. Как можно быть таким жестоким к собственному ребёнку?

Слёзы готовы были хлынуть потоком, но я стиснула зубы. Нет. Я не дам ему увидеть мою слабость. В этом доме моё мнение не имеет веса — я давно это поняла.

Резким движением я развернулась и бросилась к лестнице, почти не видя ступеней от подступающих слёз.

— Завтра ты познакомишься со своим будущим мужем, Александра, — прозвучало в спину, как последний гвоздь в крышку гроба моей свободы.

Влетаю в спальню, захлопываю дверь и запираю её на замок. Сердце колотится где-то в горле, отдавая пульсацией в ушах. Опираясь на дверь, медленно сползаю на пол.

Горячие слёзы катятся по щекам — одна, вторая, третья... Я не замечаю их, не стираю. Обхватываю колени, опускаю голову и застываю в этой жалкой, беспомощной позе. Несправедливость происходящего жжёт изнутри, словно раскалённый уголь.

«Мне нужно что-то придумать. Переиграть отца. Я ни за что не стану женой того, кого он подобрал», — лихорадочно металась мысли. Перед глазами тут же возник образ: старик, лысый, с седой бородой. Меня передернуло. Нет. Лучше смерть, чем такая участь.

Я судорожно потянулась к карману джинсов, вытащила телефон. Нос заложило от слёз, я шмыгнула, вытерла глаза и дрожащими пальцами набрала номер Антона. Гудки шли мучительно долго. Он не отвечал.

«Антон, пожалуйста, возьми трубку! Ты мне сейчас так нужен...» — мысленно молила я, а внутри всё сжималось от обиды и беспомощности. В самый нужный момент его снова нет рядом.

Я вытерла мокрые щёки, пытаюсь вернуть себе вид спокойствия. Но внутри всё дрожало от знакомого ощущения одиночества. Оно умело маскироваться: я могла быть в центре внимания, окружённая людьми, — а в душе оставалась одна. Этот разрыв между внешним и внутренним разъедал меня, заставлял сомневаться во всём: в искренности друзей, в ценности общения, в возможности быть по-настоящему понятой. И чем дольше я жила, тем сильнее это чувство тревожило, напоминая: ты одна, даже когда рядом кто-то есть.

Новые попытки дозвониться до Антона оказались тщетными. В груди защемило: перед глазами встала картина нашей с ним ссоры. На душе стало мерзко.

«Он всё ещё злится? Или просто игнорирует? Саша, перестань! Сейчас не до этого», — я оборвала поток мыслей, вскочила и принялась нервно ходить по комнате, ломая голову над тем, как выпутаться из приготовленной для меня ловушки.

Целый час я мерила шагами комнату — круг за кругом, словно зверь в клетке. Тени на стене подрагивали в такт моим движениям. Пол скрипел под ногами, напоминая, что я всё ещё здесь, в этой комнате, в этой жизни, которую кто-то решил за меня.

«Смирись. У тебя нет выхода», — тихо нашептывал страх.

— Нет, — я сжала кулаки. — Я не позволю решать за меня. Не стану марионеткой в руках отца.

Идея побега, как вспышка молнии, осветила сознание. Подбадривая себя этими словами, я наконец увидела выход из западни.

Словно одержимая, я бросилась собирать вещи. Движения были резкими, почти судорожными. Что ждёт впереди — туман и неизвестность. Но остаться здесь — значит похоронить себя заживо.

Пальцы коснулись конверта с деньгами — теми, что я копила на мечту. Сердце болезненно сжалось. Столько месяцев лишений, столько надежд...

«Теперь эти деньги — мой билет в свободу», — с горькой усмешкой подумала я и спрятала конверт в самый глубокий карман портфеля.

За окном царила глубокая ночь. Я замерла у двери, прислушиваясь. Всё тихо. Медленно, едва дыша, приоткрываю дверь, осторожно высовываю голову. Никого.

Но едва я ступила за порог комнаты и бесшумно прикрыла дверь, снизу раздались шаги — чёткие, размеренные. Я припала к полу, укрываясь за перилами, словно за спасительной стеной. Пульс бился в висках, как барабанный бой перед атакой, адреналин разливался по венам, обостряя каждое ощущение.

«Браво, Саша, — ехидно подметил внутренний голос. — Ты достигла новых высот. Прячешься в собственном доме, как какой-нибудь грабитель. Осталось только надеть маску и плащ».

Я отбросила насмешки и прислушалась. Шаги затихли.

Выждав несколько долгих секунд, я осторожно выглянула из-за перил, стараясь не выдать своего присутствия даже дыханием.

«Кажется, чисто... — с замиранием сердца подумала я. — Теперь — только не замешкаться».

Охрана по приказу отца дежурила здесь по ночам. Святые угодники, только попадись им на глаза — мигом доложат ему! С этими людьми никогда нельзя было договориться: страх перед начальником сковывал их волю крепче любых цепей.

«Какая жалкая покорность...» — с презрением подумала я.

Бесшумно, словно тень, я скользнула вниз по лестнице. Тени на стенах подрагивали, будто пытались остановить меня, но я упрямо шла вперёд.

Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Но я не поддавалась панике — каждое движение было точным, выверенным.

Охранник, весело болтая по телефону, прошёл в кухню. Его беззаботность стала моим преимуществом. Я быстро, но бесшумно пробежала к запасному выходу и выскользнула наружу.

Ночной воздух ударил в лицо. Глубокий вдох — и на миг я почувствовала мнимую свободу. Всего лишь миг — но он дал сил двигаться дальше.

«Неужели это реальность? — пронеслось в голове. — словно в дурацком фильме, что отец выбирает по выходным...»

Внутренний монолог не прекращался — я цеплялась за каждую ироничную мысль, как за соломинку. Это помогало сохранять ясность ума, не дать страху парализовать меня в самый неподходящий момент.

Присев на корточки, я осторожно выглянула из-за куста, затаив дыхание. Ветер играл листьями, их шорох звучал как шёпот предостережения. Тени в неосвещённых уголках двора шевелились, вытягивались, принимали зловещие очертания. Каждая казалась фигурой человека, замершего в ожидании.

Я вглядывалась в открытые зоны, пытаюсь отличить реальную угрозу от игры воображения. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсацией в висках. Ладони стали влажными, спина покрылась липким потом. Страх быть обнаруженной сковывал мышцы.

Но отступить поздно.

Ещё раз осмотрев окрестности, я сплотнула ком в горле и решилась сдвинуться с места, надеясь, что удача всё ещё на моей стороне.

Забор был уже рядом — всего несколько шагов отделяли меня от свободы. Я дотянулась до калитки, дрожащими пальцами повернула замок. Скрип петель прозвучал как прощальный аккорд прежней жизни.

Но надежда рухнула в одно мгновение: за спиной раздались шаги. Чёткие. Неумолимые. «Нет, нет, нет!» — застучало в висках. Внутренний голос заорал: «Бегом!»

Я рванула вперёд, почти не чувствуя земли под ногами. Паника — коварный враг в такие минуты: она затуманивает разум, замедляет реакции. Всего мгновение замешательства — я оглянулась через плечо, пытаясь оценить расстояние до преследователя.

Этого хватило.

Крепкие мускулистые руки резко обхватывают меня за плечи, рывком останавливают. Свобода, ещё секунду назад казавшаяся такой близкой, рассыпалась в прах.

Глава 4.

Я резко наступаю пяткой на носок охранника. Он шипит от боли и на миг ослабляет хватку — вот он, шанс! Не те

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.